

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 94(47).046/053

А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ АДАПТАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XVIII в.*

канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: lucid@archaeology.nsc.ru

В статье рассмотрены практики рекрутирования аборигенов Сибири в экономическую систему Российского государства как один из механизмов реализации политико-правового оформления их подданства в конце XVI – начале XVIII в. На материалах источников этого периода доказываются, что царская администрация не придерживалась целенаправленной установки на использование труда аборигенов в хозяйственной сфере на регулярной основе. Показано, что доминировала ориентация на охват автохтонного населения края налогом (ясаком) в виде ценных мехов, имеющих спрос на европейских рынках. Царское правительство было заинтересовано в поддержании максимального числа плательщиков ясака. Однако часть коренного населения территорий, вошедших в состав Российского государства, вовлекалась в сферу хозяйственной жизни региона и использовалась в экстренных обстоятельствах. Так, при пожарах и наводнениях местные аборигены привлекались воеводскими властями для нормализации ситуаций. Коренные жители заготавливали лес, прочищали сухопутные и речные пути. Такая деятельность, в отличие от попыток использовать аборигенов на соляных промыслах, не вызывала негативных реакций, поскольку не отрывала людей от привычной природной среды. Кроме того, аборигенов зачастую использовали как проводников при прокладке дорог, учитывая их ориентирование на местности. В ходе процесса колонизации Сибири происходили военные конфликты между казачьими отрядами и автохтонами территорий, оказывающими сопротивление русским властям. В результате военных столкновений в сибирские города попадали пленные из числа коренных народов. Большинство пленных проходили обряд крещения и попадали в холопскую зависимость. Пленные, или ясыри, становились дворовыми людьми, т.е. принимали участие в хозяйственной жизни своих хозяев. В деревнях и на заимках бывших пленников активно использовали в сельскохозяйственных работах. Дальнейшие судьбы дворовых людей из числа аборигенов зависели от целого ряда обстоятельств: воли хозяев, гендерных факторов и т. п. В результате они сливались с крестьянским населением сельскохозяйственной округи.

Ключевые слова: коренные народы Сибири, Российское государство, подданство, хозяйственная деятельность, ясак.

На первых этапах освоения сибирского пространства Российское государство не стремилось к активному вовлечению коренных народов в хозяйственное освоение региона. Сделать из аборигенов налогоплательщиков являлось главной целью на первоначальном этапе освоения Зауралья.

Установить налог в форме пушнины (традиционной для охотничьего промысла сибирских народов) было самым простым и действенным решением проблемы. Сибирский мех (прежде всего соболи и черно-бурые лисицы) ценился на территории Европы необычайно дорого. Его продажа окупала расходы на

расширение территории государства и обустройство колонистов.

Отношение государственных структур к сбору ясака было очень серьезным. Малейшие отклонения от установленных норм сбора пушнины отслеживались и по возможности пресекались. От отрядов государственных служилых людей требовали обращаться с аборигенным населением «лаской, а не жесточью», чтобы не нарушать сложившегося равновесия. Однако миролюбивая стратегия исключалась в случаях отказа платить ясак. Такая двойственная политика по отношению к коренному населению региона существовала на протяжении длительного времени.

При доминирующей ориентации на сбор ясака уже в первые годы после похода Ермака Российским

*Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00027.

государством и администрациями на местах предпринимались попытки использовать трудовые ресурсы коренных жителей для обустройства на новых территориях.

Организация поселений колонистов начиналась с расчистки участков под пашни, деревни и слободы. Администрация пыталась приобщить коренное население – например, табаринских татар и вогулов – к традиционному для русских крестьянскому труду еще в конце XVI в. Однако результат был отрицательным. В 1598 г. аборигенное население просило заменить предписанную им обязательную пашню ясаком. Документ 1601 г. свидетельствует:

А только деи с тех остяков, которые живут около острогу до Тагильсково устья и по устью Ницы реки, нашего собраново ясаку имати не велеть, а велеть тех остяков вводить пахать на нас пашню, а семена велеть им дати из наших житниц, и в тех де местах нам в пашне будет прибыльнее, потому что земли хлебородны. А в которых юртех поля пашенные, и тому к нам Федор послал чертеж [1, с. 393].

В этом же документе 1601 г., присланном в Туринск, предписывалось:

А буде тех юртов ясачные люди похотят в ясаку место пашню пахать, а пашня будет нам нашего ясаку прибыльнее... и семена им на до новых дал, смотря по тамошнему делу, из наших житниц... [Там же].

Попытки «окрестьянивания» аборигенов касались прежде всего территорий, пригодных для земледелия. Их развитие справедливо связывалось с расширением посевов зерновых культур, что позволило бы обходиться без привозного хлеба. Однако аборигены из среды татар, вогулов и остяков всячески противились предложенному им укладу жизни. Вынудить коренных жителей отказаться от привычных им занятий пушным промыслом смогли только преобразования в сфере природопользования.

На территории Западной Сибири аборигенное население, принявшее русское подданство, власти также пытались использовать на вспомогательных работах при обустройстве дорог, добыче соли, заготовке леса и ликвидации «аварийных» ситуаций: пожаров, наводнений и т. п. Часть из таких работ аборигены встречали «в штыки», а часть, наоборот, рассматривали для себя в качестве перспективных.

Наибольшее сопротивление аборигенов вызывали работы на соляных промыслах. Чтобы избежать длительных, затратных во всех отношениях поставок соли из европейской части страны, в Сибири начались разработки соляных копей. Была введена так называемая соляная повинность, которая оборачивалась для русских крестьян и аборигенов длительным отрывом от основной деятельности.

Естественно, подобные действия администрации вызывали недовольство. В 1600 г. появилась царская грамота Бориса Годунова, в которой указывался ряд мер по организации соляных промыслов на р. Негла. В тексте грамоты говорится:

К той соляной воде к пельымским в прибавку для варочного дела десять человек стрельцов, да к ним в прибавку па-

шенных людей и вогулич. По свидетельству верхотурского священника Леонтия в 1604 г. стало известно, что верхнесоляные вогулы намеревались «прийти с войною на Неглу, и твой государев соляной промысел сжечь, а деловых людей побить [2, с. 187].

Чтобы избежать недовольства, власти были вынуждены отказаться от использования на соляных работах местного аборигенного населения. Сибирская администрация пыталась использовать местное ясачное население для поддержания в надлежащем состоянии путей сообщения, как сухопутных, так и речных. Уже в 1598 г. грамотой Бориса Годунова предписывалось следить за состоянием речных дорог.

А где будет по рекам заломы по обе стороны, и те заломы остяком велети прочищать, чтоб и впредь на Пельым в судах ходить было лутче, и мешканья бы нигде не было [3, с. 29].

Работы такого рода не вызывали массового сопротивления среди аборигенной среды, поскольку они были понятны и привычны. Привлечение коренных жителей к строительству новых городов и острогов также не встречало активных протестов, по крайней мере они не зафиксированы. Известно, что ясачные аборигены работали на заготовке бревен при строительстве острогов и отдельных общественно значимых сооружений.

Очень часто сибирских ясачных использовали при ликвидации городских пожаров и их последствий. Например, после опустошительного пожара в Пельюме (1621 г.) местное вогульское население принимало самое активное участие в заготовке бревен.

А лес, государь, на божье милосердие на храм и на съезжую избу и анбары и да вагульскую избу готовили твои государевы ясачные люди Пельымскаго уезда вагуличи, с человека по 10-ти бревен; а о том, государь, лесу, что ясачные люди готовили, писал я холоп твой преже сего к тебе государю с пельымским стрельцом з Заворощкою Вискуновым, что велел я холоп твой пельымским твоим государевым ясачным людям привезти лесу для острожного ставленья [2, с. 183–184].

Работы по восстановлению города затягивались, и все это время местное коренное население принимало в них участие [2, с. 285].

Заготовка строительного леса в привычной природной среде, судя по всему, не вызывала сопротивления у вогул, тем более что в Пельюме отстраивали еще вогульский двор [2, с. 285].

Пример с Пельымским пожаром показателен, но не исключителен. В летнюю ночь 1705 г. пожар в Тюмени уничтожил митрополичий двор, девичий монастырь, приходские церкви, проезжие башни, острог, торговые лавки, таможенную избу, кружечный двор, богадельню и 729 дворов горожан [4, с. 276–277]. Более 3 тыс. горожан остались без крова. Для быстрого восстановления построек привлекали все возможные силы, в том числе и коренное население региона.

Похожие ситуации происходили при любых чрезвычайных событиях, например, при наводнениях. В 1630 г. к восстановлению Нарымского острога, пострадавшего от сильного наводнения, были

привлечены все слои местного населения, включая аборигенов, а также приезжих торговцев. В таких ситуациях местные аборигены выполняли работы, связанные с заготовкой строительного материала [2, с. 370–371]. Следует отметить, что во всех подобных случаях возникал импульс для дальнейшего культурного обмена.

С самого начала колонизационного процесса в Сибири мирное коренное население использовалось местными властями для разведывания путей сообщения. В 1602 г. власти Туринского острога пытались отыскать приемлемую дорогу до Верхотурья, так как ранее используемый путь их не устраивал: «Дорога крива и летом водяна и грязна». Было принято решение привлечь к поиску нового пути местных татар, выделив им определенное жалованье [1, с. 408.] Выявление мест, пригодных для прокладывания дорог, и минимальное обустройство путей сообщения играли в Сибири значительную роль, так как обеспечивалось не только успешное проведение военных операций, но и передача информации, налаживание связей между населенными пунктами, а также укрепление и расширение торговли. Местное аборигенное население хорошо ориентировалось на местности и знало все особенности ландшафтов. Известны факты привлечения местного коренного населения к ямской гоньбе, преимущественно это касалось татар и особенно практиковалось в первой половине XVII в. [2, с. 164].

Воеводские власти ценили знание аборигенами природной среды Сибири. Пользуясь слухами о наличии полезных ископаемых, они организовывали разведывательные операции в надежде отыскать ценные залежи. Примеров таких множество. Так, в 1630-е гг. в Верхотурье «ясачный вогулятин» принес «мелкого камени, чаёт в том камени руды какой». Местная администрация проявила заинтересованность, даже отправила людей измерить искомую местность и организовать расспросы жителей тех мест¹.

Любое использование аборигенного населения согласовывалось с московскими властями, хотя местные воеводы во многих случаях принимали самостоятельные решения. Путь до Москвы в среднем составлял три месяца. Еще месяц уходил на разбирательство в Сибирском приказе, и обратный путь также приближался к трем месяцам. Таким образом, ответ из Москвы сибирский воевода мог получить только спустя полгода [5, с. 31–32]. Поэтому большинство решений принимались «здесь и сейчас», а уже спустя некоторое время принимались или отклонялись в Москве.

Возвращаясь к оценке вклада аборигенов в экономическое развитие зауральского региона, нельзя обойти вниманием дворовых работников и бывших среди них пленных ясырей. Военные конфликты с коренным населением по разным поводам вспыхивали в разных регионах Сибири на протяжении всего XVII в. и осо-

бенно в первой его половине. В результате военных действий появлялись взятые в плен ясыри. Как правило, это были представители «немирных земель». Новые хозяева стремились их сразу покрестить и перепродать в качестве холопов.

В отписке сибирского архиепископа Макария 1632 г. туринскому воеводе по поводу калмыцкого полона предлагается:

...А тех бы, господине, ясырей велети держать у себя тем же людем, у кого они были, а крестить и продавать не велеть; а которые ясыри оглашены, имяна наречены и крещены, и тех ясырей впредь велети держать тем у себя в нашей православной христианской вере; а которые ясыри оглашены и имяна наречены и тех велети крестить, а в калмаки тех не отдавать [2, с. 302].

Документ, относящийся к 1632 г., также наглядно показывает попытки сибирских властей упорядочить действия служилого населения при захвате пленных. Пленников требовалось предьявлять в съезжей избе, запрещалось их утаивать, крестить и продавать. Перечисление всех этих мер свидетельствует, что подобные практики по отношению к «ясырю» широко применялись на всей территории Сибири, где происходили военные стычки с автохтонным населением. Попытки сибирских властей приостановить этот процесс, несомненно, его ограничивали, но принятые меры не всегда были действенными [2, с. 394].

Вопреки многочисленным церковным и правительственным указам, на протяжении длительного времени пленных продолжали крестить и продавать. Вполне естественно, что с урегулированием русско-аборигенных отношений количество ясырей сокращалось. Но многочисленные источники свидетельствуют о том, что эта практика сохранялась и в начале XVIII в. Так, в 1706 г. томский пеший казак Гаврило Безьязов продал в г. Томске «тобольскому жителю Василию Прокофьеву сыну Шаламову полонную свою девочку трех лет нынешнего киргызского погрому, новокрещенным именем Федосью Иванову дочь..., а взяла 4 рубли» [6, с. 92].

Судьбы таких «пленников» в городской среде могли складываться самым причудливым образом. Русские не отделяли «пленных детей» и растили их вместе со своими отпрысками. По стилю жизни и укладу бывшие ясыри со временем мало отличались от русских работников и также вносили свой вклад в хозяйственное освоение региона. Это явление было массовым, особенно в первой половине XVII в. Томско-Кузнецкий регион, например, насыщался пленными аборигенами из мест проживания енисейских кыргызов и калмаков [7, с. 54–73; 6, с. 86–109].

В 1649 г. в грамоте енисейскому воеводе указывалось – «полоняников», взятых при применении военных действий, не отправлять за пределы Сибири, а крещенных ясырей мужского пола верстать в службу «кто в какую пригодится». При этом предписывалось некрещенных татар и остяков строить в ясак, «женок и девок отдавать отцам, матерям и мужьям и роду и племени» [2, с. 493].

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Ст. 656. Л. 440.

Из цитируемых источников следует, что центральные власти препятствовали вывозу пленных ясирей с территории Сибири. Но в некоторых случаях установленные правила нарушались. Хорошо известен факт, что киргизский пленный мальчик был вывезен в Москву, а впоследствии стал известен как сын боярский Иван Айканов, который являлся значимой фигурой в истории Красноярска XVII в. [8, с. 154–169].

Большинство пленников-аборигенов, попав в холопскую зависимость, работали на сельскохозяйственных угодьях. Отрывочный материал об этом явлении можно отыскать в переписной книге Красноярского уезда за 1671 г. На красноярских заимках работали енисейские кыргызы, братья (буряты) и монголы [9, с. 218–230].

В 1703 г. на заимках Томского уезда работало 210 дворовых из числа коренных народов Сибири, что составляло более 70 % от общего количества холопов. Эти цифры нельзя считать убедительными, поскольку они учитывают только хозяйства служилых людей. Известно при этом, что труд аборигенов использовался в хозяйствах и в XVIII в.

Справедливо встает вопрос, какова же дальнейшая судьба холопов из среды аборигенов в Сибири. Документально известно, что многие из них переходили в категорию вольноотпущенников, но это в большей мере касается городских жителей. Аборигены, работавшие на заимках, чаще всего заканчивали свой жизненный путь в статусе крестьян-батраков. Как известно, личная зависимость населения Сибири в количественном отношении не являлась достаточно значимой.

В заключение отметим, что, несомненно, на первом месте у царского правительства стояло использование коренного населения Сибири как поставщика ценных мехов. Однако это не исключало вовлечение автохтонов и в другие сферы хозяйственной деятельности. Ход исторического развития вносил неизбежные коррективы во взаимоотношения русских властей и коренного населения края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. 610 с.
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. 640 с.
3. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в.: сб. док. М., 1982. 298 с.
4. Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Т. 1. 551 с.
5. Люцидарская А.А. Механизмы передачи информации в Сибири XVII – начала XVIII в. // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города XVII–XIX веков. Новосибирск, 2008. С. 27–32.
6. Люцидарская А.А. Категория населения – дворовые люди // Демографические процессы и общественно-политическая жизнь : сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. С. 86–109.
7. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан, 1995. 232 с.
8. Бахрушин С.В. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. История народов Сибири в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. 300 с.
9. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. 260 с.

Статья поступила
в редакцию 24.02.2014

УДК 391.7

И.Р. АТНАГУЛОВ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАГАЙБАКОВ

канд. ист. наук,
Магнитогорский государственный университет
e-mail: i.atnagulov@mail.ru

Статья посвящена этнодемографической характеристике одного из малочисленных народов России – нагайбаков в контексте их этнической истории. Начало формирования нагайбаков связано с императорским указом 11 февраля 1736 г., согласно которому их перевели из ясачных в казачье сословие. Основу нагайбаков составили крещенные татары Уфимской провинции. До 1842 г. они проживали в крепости Нагайбакской и нескольких деревнях. Как прослежено автором, по данным ревизских сказок, численность нагайбаков возрастала: в 1719 г. – 1500 чел., в 1744 г. – 1800, в 1762 г. – 2700, в 1795 г. – 2800 чел. Этнословный состав Нагайбакской крепости и округа включал в себя следующие группы: казаки, старокрещенные татары-казаки, крещенные казаки, татары-казаки. В 1842 г. казаки-нагайбаки были переселены в Новолинейный район укрепленных поселений, находящийся, главным образом, в Верхнеуральском уезде. Автором показано, что в течение второй половины XIX в. в демографической картине нагайбаков Верхнеуральского уезда наблюдалась общая положительная динамика. В 1844 г. их насчитывалось 2900, а в 1897 г. – 7812 чел. В 1926 г. нагайбаки впервые были зафиксированы как самостоятельный этнос. Небольшой прирост в первой четверти XX в. можно объяснить последствиями ряда войн, в которых казаки-нагайбаки принимали активное участие.

В материалах остальных переписей XX в. нагайбаки учитывались вместе с татарами. При незначительном количестве татар можно утверждать, что численность нагайбаков возрастала: в 1959 г. – около 8700, в 1979 г. – около 9700, в 1989 г. – примерно 12 тыс. чел. Данную демографическую тенденцию автор связывает с улучшением уровня жизни села. В материалах Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг.